

УДК 81'373.47

Идиоэтническая специфика английской паронимии в структуре звукового каламбура

Крылова Надежда Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка,
Институт иностранных языков,
Петрозаводский государственный университет,
185000, Российская Федерация, Петрозаводск, пр. Ленина, 33;
e-mail: nkrylova@sampo.ru

Аннотация

Автор статьи рассматривает звуковой каламбур как явление национальной культуры и исследует социально-культурные и языковые условия, подготовившие почву для широкого бытования паронимических каламбуров в английском языке. Паронимия определяется как семантическая контаминация созвучных слов на почве формальной близости и/или позиционного тождества в тождественной модели. Функциональное пространство паронимии охватывает рекуррентные (регулярное речевое смешение) и окказиональные (стилистически обусловленные) модели созвучий. Принципиально новое отношение к словесным формам комического наблюдается в период от средневековья к Ренессансу, что обусловлено общефилософской концепцией Возрождения и значением карнавального начала в жизни средневекового человека. Данная тенденция находилась во взаимосвязи с лингвистической ситуацией того времени: падение морфологии, редукция окончаний, наличие высокопродуктивных способов словообразования, односложная структура английского слова и, как следствие, большая функциональная отягощенность фонем английского языка в сравнении с другими языками. Немаловажным фактором стал приток романских заимствований и появление значительного количества омонимичных аффиксов. Данные закономерности находятся в соответствии с информационно-статистическим строением английского слова. Вышеперечисленные характеристики английского языка способствовали появлению большого количества окказиональных, разнокорневых, моделей паронимов: сходство звукового состава стимулирует и симулирует смысловые взаимосвязи сопоставляемых слов.

Для цитирования в научных исследованиях

Крылова Н.В. Идиоэтническая специфика английской паронимии в структуре звукового каламбура // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 55-66.

Ключевые слова

Парономазия, идиоэтнический аспект языка, звуковой каламбур, паронимическая аттракция, интертекстуальность.

Введение

Проблема языковой игры слов уводит нас вглубь веков, что означает, что она не перестает оставаться актуальной. Данный лингвистический ресурс становится особенно востребованным в эпоху интернета и других эффективных средств массовой информации. Прагматическая сущность паронимической игры слов делает ее неиссякаемым источником языковой выразительности в разных функциональных стилях речи. Своеобразие функциональных форм национальной культуры не может быть воспринято без опоры на опыт и специфику традиционных форм той национальной почвы, на которую они попадают.

Паронимия традиционно рассматривается в кругу смежных явлений, таких как парономазия, народная этимология, малапропизмы, контаминации и др. Подробный анализ этих явлений выявил примарную роль функционального критерия [Крылова, 1993]. Результатом звуковой близости паронимов является их ошибочное или преднамеренное смешение в речи. При парономазии могут сталкиваться как родственные слова, так и неродственные, звуковое сходство которых случайно [Ахманова, 2004; Бельчиков, 2008]. Случаи непреднамеренного столкновения созвучий вследствие их неправильного толкования или произношения составляют материал специальных словарей [Bryson, 2004; Partridge, 2008].

Наибольший интерес для нас представляют собой случаи намеренной паронимизации. Игра слов, построенная на паронимии, может носить как внутритекстовой (контактные паронимы) – более частотный вариант (“Their flight looks fleeter”, W.H.Auden), так и межтекстовой (дистантные) характер. В иной терминологии эти два вида подобозвучий представлены как парадигматическая и синтагматическая паронимическая аттракция [Крылова, 1993].

Функциональный аспект паронимии. Паронимическая игра слов. Звуковой каламбур

Парадигматический тип звуковых созвучий может рассматриваться как разновидность интертекстуальных корреляций. Название романа английского романа П.Г. Вудхауса *No Nudes Is Good Nudes* содержит легко угадываемую аллюзию к известной поговорке “no news is good news”. Статья в газете “Sun” от 10 июня 2013 года под заголовком *Otter Devastation* остроумно намекает на экологическую тематику сообщения, одновременно передавая эмоциональный накал дискуссии: *utter/otter*. Нетрудно заметить, что оба этих примера иллюстрируют то, что можно обозначить как «заражение моделью». Смысловое притяжение созвучных слов возникает не только и не столько благодаря сходству звукового оформления, сколько за счет позиционной взаимозаменяемости слов в тождественной модели. В первом примере «давление» модели, а, значит, и сила аттракции столь велики, что ни автора, ни читателя совершенно не смущает присутствие в названии произведения явного грамматического рассогласования.

В любом случае один из компонентов паронимической пары, со стилистической целью используемый автором в тексте, может в нем отсутствовать. Семантическая значимость таких звуковых сопоставлений заключается в возможности бесконечного переосмысления окказиональных паронимических пар. Парономазия как стилистический прием – одно из средств усиления образности высказывания, его художественной выразительности, передачи авторского отношения к описываемым событиям и персоналиям. Неслучайно важной сферой применения паронимических созвучий все в большей степени становится современный медийный дискурс. Гипертекстуальность и интертекстуальность медиатекста являются важными дискурсивными характеристиками медиатекстов. Восстановление семантических связей между словами, вступающими в паронимическую переключку, может представлять определенную сложность даже для носителей языка и нуждаться в пояснении. Так, название публикации в авторитетном интернет-издании о футболе «Goal.com» (10 декабря 2008 г.) *Old Lady Unable to Master Bate at Home* содержит легко узнаваемую игру слов, построенную на созвучии, тем не менее, читатели, далекие от мира футбола, получают подсказку: «You might need a little help with this one. Juventus – nicknamed the Old Lady - had just beaten Belarusian team FC BATE in a Champions League match in 2008».

Каким бы ни было следствие паронимического смешения слов (ложная смысловая интерпретация, новое словесное образование или неожиданный звуковой каламбур), в основе всех этих процессов лежит явление паронимической аттракции как родовой термин. Само понятие паронимической аттракции получает в лингвистических исследованиях разное толкование. В более ранних работах паронимическая аттракция по сути приравнивается к

народному этимологизированию [Ахманова, 2004; Малаховский, 2009]. Мы рассматриваем паронимическую аттракцию как явление более сложного порядка, а именно как механизм семантизации фонетических созвучий. Реализуясь в речи, последний может иметь разнонаправленные следствия. Следует отметить, что границы явлений, сопряженных с паронимией, крайне нечетки, и любая схематизация этих соответствий будет своего рода упрощением естественного бытования языковой системы, ее реального функционирования.

Одной из лучших иллюстраций взаимопроникновения явлений, входящих в функциональное поле фонетических созвучий, является речь героев Льюиса Кэрролла в «Алисе в стране чудес». Звуковой каламбур реализуется в произведении и как речевая ошибка, и как ложная смысловая интерпретация слова, и как неожиданная контаминация слов, как филигранное обыгрывание омонимии. Растерявшись от обилия странных существ в стране перевертышей, Алиса начинает забывать школьную программу: вместо требуемого по ситуации слова «antipodes», она употребляет другое понятие – «antipathies», которое, несмотря на морфологическое сходство, означает все же нечто иное. Алиса очень любит малоупотребительные в повседневном общении слова, из-за чего сама не всегда бывает понята. Слово «axis» (земная ось), употребленное Алисой в своем прямом и единственном значении, вызывает в Стране Чудес неожиданные звуко-смысловые ассоциации, которые чуть было не обернулись для девочки плачевными опасными последствиями: «Talking of axes», said the Duchess «Chop off her head!» (axes – множественное число от «ax» - топор).

Есть в романе немало и других замечательных примеров: на ложную этимологию («That's the reason they are called lessons, because they lessen from day to day»), омонимию форм («We called him Tortoise, because he taught us») и т.п. [Carol, 1993]. Непонимание, или, скорее, недопонимание постоянно порождает разнообразные словесные каверзы, которые, будучи растворены в общей иронично-философской ткани произведения, дают возможность их неоднозначной лингвистической интерпретации: и как проявление недостаточной языковой компетенции некоторых персонажей, реализуемой в многочисленных обмолвках, оговорках, и одновременно как особый стилистический прием ироничного изображения вымышленной действительности. В этом – диалектика художественного текста, специфика его бытия.

Национально-языковое своеобразие паронимии в английском языке

Отдельные свойства содержательной формы приобретают свое наиболее существенное значение в культурном сознании того или иного этноса. Звуковой каламбур как один из способов бытования паронимических единиц в известной степени есть явление национальной культуры. Более того, паронимия отражает существующую в настоящий момент языковую ситуацию и принадлежит, таким образом, синхронической лингвистике. Понятие об

идиоэтническом компоненте в структуре того или иного языка впервые было введено в научный обиход С.Д. Кацнельсоном в работе «Типология языка и речевое мышление», где термин «идиоэтнический» определяется как характеризующий данный конкретный язык в его индивидуальном своеобразии, и в этом смысле он противопоставлен универсальным компонентам языка [Кацнельсон, 1972].

Историко-культурные и психологические закономерности, которые подготовили почву для широкого, всестороннего функционирования игры слов, основанной на паронимической аттракции, в литературной и повседневной жизни англичан, нашли достаточное освещение в научной литературе (Бахтин, 1990, Боров, 1970, Минц, 1990, и др.). Исследователи отмечают значимость карнавальной модели мира средневековья, момент внутренней свободы человека, игровое начало, раскрепощающее человека эпохи средневековья и Возрождения [Бахтин, 1990]. Новое мироощущение способствовало нововведениям, эксперименту, в том числе и языковому.

Смех универсален, однако национальные особенности юмора определяются «своеобразием народного жизненно-исторического опыта в эстетическом его преломлении» [Боров, 1970, 70-71]. Специфика комического того или иного этноса бывает интуитивно ощутима, но подвергнуть ее последовательной теоретической интерпретации бывает сложно. Нам важно подчеркнуть, что именно комическая игра слов несет на себе следы неповторимого национального колорита, практически не поддающегося переводу на другие языки.

Существующие исследования убедительно показали роль важность языкового контекста шекспировской эпохи и творчества самого великого драматурга для формирования и закрепления языковой вариативности. Во времена Шекспира игра слов была предопределена не только в социально-культурном отношении. К данному историческому периоду (в основных чертах) уже сложились те особенности английского языка, которые открыли двери паронимическим каламбурам: редукция безударных окончаний и, как следствие, сокращение структуры слова, неявная выраженность морфологических характеристик в рамках слова, большое количество фонетических омонимов, значительная способность к конверсии и другие. Особо следует выделить тот факт, что в среднеанглийский период активно протекал процесс латинизации словарного состава английского языка. Норман Блейк высказывается по этому поводу довольно категорично. Он считает, что триумфальное шествие каламбура по произведениям английских авторов (в первую очередь, Уильяма Шекспира) было, главным образом, своеобразной реакцией на бедность английского языка, попыткой использовать его потенциальные возможности, вытекающие из особенностей самой языковой системы [Blake, 1989; Blake, 2001]. Примерно с середины XVIII века, заключает автор, мода на каламбур пошла на убыль вследствие двух основных причин: 1) язык к тому времени был уже достаточно развит и самобытен и не нуждался в технике каламбура как средстве его структурного

обогащения; 2) изменилось само отношение к языку: творческая игровая стихия Ренессанса сменяется тенденцией к нормализации языка, требованиями единого стандарта в орфографии, орфоэпии грамматике [Blake, 1989, 59].

В числе прочих проблем языка елизаветинцев интересовали вопросы взаимоотношения звуковой и графической форм слова. В фокусе внимания находились разнообразные аспекты звуковой материи слова, поэтому в качестве механизма остроумного высказывания использовались в основном «внешние» ассоциации слова – прежде всего, омонимические и паронимические связи. Термин «внешние», пожалуй, не слишком удачен, так как паронимические отношения затрагивают не только формальный, но и содержательный план слова, создавая неожиданные смысловые ассоциации.

Игра слов переживает пик своей популярности в условиях карнавальной атмосферы Ренессанса, однако звуковой каламбур и по сей день составляет неотъемлемую часть социально-культурных и лингвистических традиций английского общества. Этому способствуют специфические характеристики строя современного английского языка. Наиболее важными параметрами в рамках данного исследования будем считать морфологический и фонологический. Поскольку фонологический и морфологический аспекты тесно связаны в структурном анализе слова, не будем придерживаться их четкого разграничения. По единодушному признанию лингвистов, самой характерной чертой строя английского языка является звуковое совпадение основы слова и самого слова. Диахронический и синхронический планы при этом все время переплетаются между собой. Так, типичной чертой древнеанглийского языка было наличие обширных объединений слов, группирующихся вокруг одной и той же морфемы, варьирующейся в звуковом выражении. Для этого же исторического периода было свойственно использование звукового чередования не только для образования основ, типичных для различных лексико-грамматических разрядов, но и использование его (наряду с аффиксами) в качестве элемента формообразования в парадигме [Ярцева, 1960, 78]. Синтетические характеристики постепенно уходили из языка, но историческая память поколений зафиксировала имевшие место когда-то фонетические процессы.

В этом отношении особенно показательны случаи квазиисторических созвучий в современном английском языке, создаваемых в стилистических целях. Интересный пример приводит Уолтер Нэш в работе «The Language of Humour»: «What's a myth? – A female moth» [Nash, 1985, 146-147]. Автор этой остроты, возможно, даже не рассчитывал на виртуозные манипуляции с языком. Догадка была совершена по тому чудесному наитию, которое, будучи следствием генетической памяти поколений, нарушает ход и направление привычных соответствий. Интересна не только сама паронимическая перекличка myth/moth, но и напоминание о том, что градация гласного в английском языке характеризует определенные

грамматические и лексические различия (число: *foot/feet*; время: *ring/rang*; возраст: *cat/kitten*; пол: *fox/vixen* и т.д.). Это попытка спроецировать устаревшие исторические закономерности на современную языковую ситуацию.

Новой чертой в среднеанглийский период явился распад крупных этимологических образований, в которых слова группировались раньше вокруг одной корневой морфемы. Это привело к исчезновению чередования внутри парадигмы и между основами, типичными для разных лексико-грамматических разрядов. Общеизвестно и то, что редукция окончаний и тенденция к унификации форм способствовали переходу от индоевропейской трехчастной структуры в словоизменении к двухчастной и одночастной. В результате удельный вес нулевых форм в английском языке резко увеличился. Звуковое совпадение основы слова и слова имело огромное значение для всего последующего развития английского языка. Слово утрачивает признаки, относящие его к той или иной части речи. Как следствие, словарный состав английского языка содержит большое количество фонетических омонимов. По мере усиления спаянности морфологического состава основы соответственно возрастает и ее способность к образованиям по конверсии.

Основы с нулевыми аффиксами в принципе типичны для всех германских языков, однако традиционно это явление считается характерным именно для английского языка. Естественно, что наличие в языке большого количества односложных безаффиксных образований существенно увеличивает степень потенциальных звуковых совпадений. Наглядной манифестацией моносиллабизма служит наличие в английском языке так называемых пара-рифм, или консонансных рифм. Паронимические консонансные созвучия чрезвычайно распространены в английской поэзии. Серьезный вклад в развитие английской поэтической техники внес Джерард Мэнли Хопкинс, привнеся в свой «рваный» или «скачущий» ритм (*sprung rhythm*) большое количество звуковых повторов, в том числе и на консонансной основе. Яркое выраженное реформаторство Хопкинса нашло свое продолжение в творчестве английского поэта периода первой мировой войны Уилфреда Оуэна. Поначалу поэта привлекала декоративность звучания и графического облика пара-рифм: «*Leaves, murmuring by myriads in the shimmering trees / Lives, wakening with wonder in the Pyrenees. / Birds cheerily chirping in the early days. / Bards singing of summer scything thro' the hay*». Однако это не просто эффектное жонглирование звуковой формой слова: переливы подбозвучий, переходящие из строки в строку этой поэтической пасторали, передают и «течение» смысла и, в какой-то мере, и самого бытия. Постепенно пара-рифмы у Оуэна становятся конденсаторами смысловой и эмоциональной энергии стиха, средством создания нужного звукового ряда, звукообраза. В поэзии «жалости войны» («*the pity of war*») именно аллитеративный ассонанс и паронимические созвучия становятся важнейшим элементом поэтической структуры наряду с ритмико-интонационным и образно-эмоциональным компонентами.

Наконец, важной характеристикой, пришедшей в среднеанглийский период, было большое количество романских заимствований, которые также внесли значительный вклад в расширение диапазона варьирования формального и содержательного планов слова. Поток романских заимствований не только расширил лексический и морфологический потенциал английского языка, но и значительно обогатил и разнообразил его стилистические возможности. В современном английском языке можно наблюдать большие словообразовательные гнезда на базе заимствованных основ (например, от французской основы *humain* имеем в английском языке *human, humane, humaneness, humanize, humanism, humankind, humanist, humanly, humanistic, humanitarian, humanity, humanization*). Основы романского происхождения оседали не только в слое повседневной лексики, но и на уровне книжных, малоупотребимых слов. Это стало источником бесконечных шуток в речи необразованных персонажей в произведениях английских авторов.

Были и более частные следствия адаптации заимствований в английском языке. Начиная примерно с XVI-го века, произошел большой приток заимствований из латыни в области глагольных форм. Обычно адаптировались основы причастий. В отдельных случаях заимствованные основы образовывались от основ настоящего времени латинского глагола (*conjure, dispute, disturb*). В результате появились созвучные пары типа *conduce – conduct; convince – convict*. [Ярцева, 1960, 98-99]. Прочие морфологические факторы, релевантные в отношении паронимии, связаны с понятием «алломорфов», а также с наличием в английском языке высокопродуктивных способов словообразования. Анализ аффиксального инвентаря английского языка (в первую очередь, суффиксального) приводит к вычленению морфем, очень близких друг другу по материальному составу и по выполняемой функции. Варьирование аффикса естественным образом предполагает звуковое подобие вариантов.

Вышеизложенные факты имеют для нас большое значение в аспекте возможных семантико-звуковых со–и–противопоставлений. Отдельные аффиксы обладают способностью иррадиировать связи на структуры, близкие в фонетическом отношении. Логично предположить, что паронимическая аттракция действует не только в сфере корневых, но и аффиксальных морфем. Показателен пример с распространенным суффиксом *-age*, который, как известно, имеет два основных варианта: *-edge (knowledge)* и *-ege (sacrilege)*. Суффикс *-age* обладает четкой выделительностью и, следовательно, может притягивать в свое поле генетически разнородные образования. То же можно сказать и о префиксальных морфемах. Префикс *de-*, разумеется, зафиксирован в английском языке, однако в словах *detect, deceive* он явно является так называемой «приметой», то есть оформляет изолированную основу. Квазиморфемное родство слов становится неисчерпаемым источником окказиональных созвучий («*Delays are denials*»).

Наконец, существует немало специальных словарей, фиксирующие так называемые «troublesome words». Мы наблюдаем прагматические последствия реализации идиоэтнической специфики языка: носитель английского языка в значительной степени склонен ассоциировать одну и ту же комбинацию фонем с разными значениями в зависимости от контекстного окружения. Следует признать, что здесь наши позиции выглядят достаточно уязвимо, так как мы ступаем на зыбкую и спорную почву звукового символизма. Тем не менее, следует признать, что паронимия и явления, сопряженные с ней, составляют органичную часть проблем соотношения плана выражения и плана содержания языка и потому имеют непосредственное отношение к вопросу о символике звуков речи.

Еще один фактор, определяющий своеобразие природы и функционирования паронимов английского языка, связан с информационной схемой английского текста и информационно-статистическим строением английского языка. Явление паронимии формируется через доминанту формальной близости по отношению к смысловым различиям благодаря естественной избыточности английского языка: в процессе переработки информации происходит идентификация сходных созвучий, которая влечет и семантические ассоциации. Данная особенность реализуется в образовании окказиональных, разнокорневых, моделей паронимов и паронимасов. В таких парах, как *militate/mitigate*, *flaunt/flount* и т.п., на фоне отсутствия этимологического родства возникает паронимическая аттракция, обусловленная сугубо фонетическими факторами: сходство звукового состава, способствует смысловому притяжению сопоставляемых слов.

Заключение

Обобщая сказанное, отметим, что созвучия создают в английском языке богатейшие возможности их каламбурного использования. Это обусловлено причинами двоякого рода: как имманентно языковыми факторами, так и экстралингвистическими. Само понятие комического оказывается тесно увязанным с пространственно-временными факторами его реализации. В определенные периоды английской истории игра слов была предопределена в социально-культурном отношении, в первую очередь сыграла свою роль языковая обстановка елизаветинской эпохи. В числе языковых факторов, релевантных в отношении паронимии, мы отмечали звуковое совпадение основы слова и самого слова, большой процент односложных безаффиксных образований, как следствие – большое количество фонетических омонимов и подобозвучий, наличие высокопродуктивных способов словообразования. Сопутствующим фактором явился приток романских заимствований в английский язык. Материальные

свойства слова того или иного языка так или иначе обуславливают стилистический эффект паронимических созвучий. Современный английский язык до сих пор подпитывается энергией звуковой фактуры английского слова в его вариативности и богатстве экспрессивных возможностей.

Библиография

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004. 571 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.
3. Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С. Словарь паронимов русского языка. М.: АСТ, 2008. 464 с.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
5. Крылова Н.В. Паронимия в современном английском языке: идиоэтнический и функциональный аспекты: дис. ...канд. филол. наук. СПб, 1993. 160 с.
6. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии. М.: Либроком, 2009. 248 с.
7. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М.; Л., 1960. 194 с.
8. Blake N.F. A Grammar of Shakespeare's Language. N.Y.: Palgrave Publishers Ltd.: 2001 edition, 2001. 432 p.
9. Carol L. Alice's Adventures in Wonderland. Dover Thrift Editions. Reprint edition. N.Y.: Dover Publications Inc., 1993. 86 p.
10. Nash. W. The Language of Humour. L.: Routledge, 1985. 181 p.

Idioethnic Characteristics of English Paronymic Puns

Nadezhda V. Krylova

PhD in Philology, Associate Professor of English,
Institute of Foreign Languages, Petrozavodsk State University,
185000, 33, Lenina ave., Petrozavodsk, Russian Federation;
e-mail: nkrylova@sampo.ru

Abstract

The current research analyzes the nature of punning technique within the framework of social and cultural ethnic traditions of England as well as premises lying in the nature of the English

language itself. Paronyms, or near homonyms, are defined as words linked by the similarity of form, whether accidental (confusables and malapropisms) or intentional. Stronger effects occur when words similar in sound or appearance are juxtaposed against the background of the same sentence pattern, thus creating a variety of phonetic puns. The English language presents an abundance of such wordplay. The reasons for this should be traced in the specifics of the linguistic arena of medieval and Renaissance English. The carnival traditions of the Renaissance liberated the mind, eliminated social distinctions and limitations and encouraged innovative use of language. This accounts for the fact that puns were a highly esteemed activity during the Elizabethan era. On the morphological plane, the English language underwent crucial changes, such as the attrition of inflections. The remaining inflections were partly reinterpreted or redeployed for semantic purposes. There appeared a considerable amount of monosyllabic words thus creating possibilities for numerous puns. English was enriched by Latin suffixes and prefixes, some of them borrowed through French. Along with the demise of English morphology, other relevant linguistic factors, such as false segmentation, productive ways of word formation and French loan words and affixes, engendered contextual phonetic similarity and fostered further experiments with sound and meaning.

For citation

Krylova N.V. (2017) *Idioetnicheskaya spetsifika angliiskoi paronimii v strukture zvukovogo kalambura* [Idioethnic Characteristics of English Paronymic Puns]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 55-66.

Keywords

Paronomasia, idioethnicity and language, phonetic pun, paronymic attraction, intertextuality.

References

1. Akhmanova. O.S. (2004) *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Glossary of linguistic terms]. Moscow.
2. Bakhtin M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable I narodnaya kultura srednevekovia i Renessansa* [Francois Rabelais and study of the elements of popular culture, subversive potential, and ambivalence of Middle Age and the Renaissance]. Moscow.
3. Belchikov Y.A., Paniusheva M.S. (2008) *Slovar paronimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian paronyms]. Moscow: AST Publ.
4. Blake N.F. (1989) *The Language of Shakespeare*. New York: Palgrave Publishers Ltd.
5. Carol L. (1993) *Alice's Adventures in Wonderland. Dover Thrift Editions. Reprint edition*. N.Y.:

Dover Publications Inc.

6. Katznelson S.D. (1972) *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Language typology and speech thinking]. Leningrad: Nauka Publ.
7. Krylova N.V. (1993) *Paronimiya v sovremennom angliiskom yazyke: idiotnicheskiy i funktsional'ny aspekty. Doct. Dis.* [Paronyms in Contemporary English: Idioethnic and Functional Aspects. Doct. Dis]. Saint Petersburg.
8. Malakhovskii L.V. (2009) *Teoriya leksicheskoy i grammaticheskoy omonimii* [Theory of lexical and grammatical homonymy]. Moscow: Librokom Publ.
9. Nash W. (1985) *The Language of Humour*. London: Routledge.
10. Yartzeva V.N. (1960) *Istoricheskaya morfologiya angliyskogo yazyka/Akademiya Nauk USSR* [History of English Morphology. Academy of Sciences, USSR]. Moscow-Leningrad.